

Папино кино еще вызывает слезы

Взявшись приспособить к экрану старую пьесу Александра Галича «Матросская тишина», про которую сам автор позднее сказал, что она «наивно-патриотична», Владимир Машков и его соавтор по сценарию Илья Рубинштейн подошли к делу, как хирурги-косметологи. Из четырех актов они оставили три, удалив самое последнее и самое слабое действие, настоящее на сладких оттепельных иллюзиях, придав тем самым картине вполне уместное сонатное строение. Кроме того, вырезали из первого акта колоритную еврейскую старуху Гуревич, взамен вставив эпизод с популярной детской игрой «Кто первый испугается поезда?», попутно объясняющий, зачем сын таскает у отца открытки. И, наконец, добавили киногеничные переходы между действиями да изменили кое-что в судьбах персонажей.

Окончание на стр. 9

Папино кино еще вызывает слезы

Окончание. Начало на стр. 1

В частности, в фильме Машкова «Возвращенец» Мейер Вольф погибает вместе с Абрамом Шварцем от рук фашистов, тогда как в пьесе его репрессировали чекисты (надо думать, как агента разведок всех стран, которые он проехал во время своего паломничества к Стене Плача), чтобы выпустить из лагеря к финалу пьесы. И эта хирургия, в общем и целом, пошла фильму на пользу – у Машкова получился крепкий мейнстрим, а попросту говоря, традиционное, уверенное, общепонятное и эмоциональное кино.

Действия разделены 8-годичными промежутками – 1929, 1937, конец 1944-го, но шиты перестуком вагонных колес, скрипичной музыкой и летящими проводами, на которых, как ноты на линейках, сидят птицы. Провода, скорее всего, анахронизм – до всеобщей электрификации в те годы было так же далеко, как до нынешнего капитализма. Первый акт – экспозиция: провинциальный городок Тульчин, невеликий кладовщик-комбинатор Абрам Шварц (как сказано у Галича, «маленький человек, похожий на плешивую обезьянку»), его 12-летний сын Давид, и только что вернувшийся из Палестины Мейер Вольф. Отец мечтает сделать из сына великого скрипача и заставляет его играть на скрипке. Галич по этому поводу роняет одну из двух имеющихся в пьесе гениальных фраз: «Упражнения Ауэра утомительны и тревожны, как вечерний разговор с богом». Вторую гениальную фразу с неподражаемой интонацией произносит играющий Абрама Шварца Владимир Машков, и это, бесспорно, лучшая его реплика в картине: «Честное слово, Мейер... Я вам, конечно, верю, но мне все время кажется, что вы врете!». В роли Мейера – тонкий питерский актер Сергей Дрейден, сыгравший мудрого и в то же время наивного человека, белую ворону, которая ищет воображаемую страну и не находит ее ни там (что сообщается на словах), ни здесь (что выражается помимо слов). Другие имевшиеся у Галича «еврейские мотивы» – стремление родителей во что бы то ни стало обеспечить детям лучшее будущее и связанная с этим библейская оскомина во рту у сыновей от кислого винограда, который ели их отцы – в картине если не опущены, то сильно приглушены. Надо полагать, для того, чтобы усилить ее общечеловеческое звучание.

Посмотрев на Дрейдена, часть зрителей пожалела, что режиссер не отдал ему роль старого Шварца, а взял ее сам. Режиссировать самого себя – задача столь же трудная, как сделать себе нейрохирургическую операцию, и Машков, показавший себя неплохим пластическим хирургом, здесь пере-

борщил – и в гриме, и в интонациях, и в характере. Возможно, ошибка была в том, что он механически перенес на экран заученный театральный рисунок роли, которую он столько раз играл в «Табакерке». Но то, что предназначалось для общего плана, не всегда можно без переработки показывать на крупном. В итоге зритель, выходя из зала, мог бы сказать режиссеру то же, что сыгранный им герой сказал Мейеру Вольфу.

Особенной силы актерский переигрыш Машкова достигает во второй части фильма, когда старый Шварц неожиданно приезжает в Москву навестить Давида, который успел кругом наврать, будто его отец – дирижер. Сцена, в которой сын выгоняет папу, мелодраматична и в пьесе, но в фильме мелодраматична вдвойне, поскольку противопоставление святой простоты и закомплексованного жлобства не смягчается плачем и словами «Папа, прости». Но поскольку тут задействовано одно из самых глубоких и болезненных чувств – чувство вины перед родителями, слезы текут наперерез рассудку.

В то же время в этой части много удачного – и облик красноречивой маршевой Москвы, где шныряют фуры с надписью «Хлеб», перевозящие эзков, и Анатолий Васильев в роли добродушного, как папаша Мюллер, парторга, и Андрей Кузичев в роли изгоняемого из консерватории студента, который не отрекся от репрессированного отца, и экзальтированная комсомолка-поэтесса: тут Машкову не отказывают ни вкус, ни чувство меры. Правда, выбрав Егора Бероева на роль Давида Шварца, режиссер вряд ли попал в десятку – от исполнителя требовались большая гибкость и умение выражать душевную диалектику.

Чувствительность фильма, как и положено, достигает апогея в финале. Глаза зрителя здесь довершают поворот кругом и обращаются «зрачками в душу», как говорила Гертруда Гамлету. Упоминание о шекспировской пьесе вполне уместно, поскольку сыну здесь является призрак убиенного отца, зывающий, однако, не к мести, а к покаянию. Явление герою мертвого родителя имело место в «Заставе Ильича» Марлена Хуциева и в «Панцире» Игоря Алимпиева, так что «Папа», помимо зарубежной, встраивается в солидную отечественную кинотрадицию. К тому же здесь Машков-режиссер, наконец, пересиливает Машкова-актера и в соответствии с известным правилом Лессинга не доводит ключевые эпизоды до кульминации, чтобы она произошла в воображении воспринимающего. Так, он не показывает расстрел евреев на привокзальной площади Тульчина – его мы «доигрываем» сами, причем слезный эффект утраивается из-за упоминания вокзальной стены, ассоциирующейся со Стеной Плача, и от того, что к этой вокзальной стене вместе со Шварцем идет Мейер Вольф, и от аналогии с революционным выражением «поставить к стенке».

Точно так же срабатывает заключительная надпись: «Всем папам посвящается», ибо она подразумевает, что фильм посвящается и всем детям.

Виктор МАТИЗЕН

Ваша дочь Машков

15.09.04